

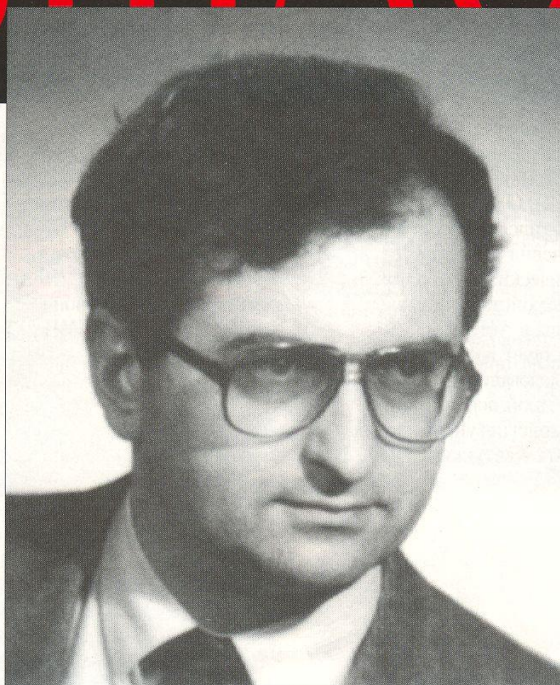

СИНАПС
И
Н
А
П
СИНАПС

№ 3 • 1993

ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ

СИРИЛОМ ХЕШЛОМ

Интервью, взятое в октябре 1992г.
в городе Регенсбург, ведет П.В.Морозов

Директор Института психиатрии в Праге,
зав. кафедрой психиатрии Карлова Университета

П.МОРОЗОВ: *Как вы пришли в психиатрию, кто были Вашими первыми учителями ?*

С.ХЁША: Я родился в Праге в 1949 году и по окончании средней школы поступил на медфакультет Карлова Университета. Затем - НИИ психиатрии в Праге, где директором был профессор Любомир Ганзличек. В эти годы институт активно участвовал в международных программах ВОЗ и в частности в IPSS (International Pilot Study of Schizophrenia). Рядом со мной работали: в области психофармакологии - хорошо известный доктор Винарж, в области социальной психиатрии и демографии - доцент Шкода, в области психотерапии и психологии - д-р Станислав Гроф, в области клиники и биологии аффективных психозов - его брат Поль Гроф (уехавший в Канаду), Милош Матушек, работавший в области ЭЭГ (ныне в Швеции), рядом с ним работал В.Волавка (ныне в США), сексолог Курт Фройнд (ныне в Канаде). Таким образом, институт был очень хорошим местом для начала работы, для совершенствования. Ну и конечно, ключевой персоной, увлекшей меня психиатрией был Любомир Ганзличек, человек сложный и многогранный, владевший 16 языками, из них 8-ю в совершенстве, читавший руководства по психиатрии из разных стран в подлиннике, с прекрасной памятью, автор "Энциклопедии по психиатрии", единственной монографией подобного рода на чешском языке.

Я работал клиническим психиатром в институте и в больнице Богнице, оказывал помощь и в области терапии и хирургии. Затем я вернулся на кафедру психиатрии Карлова Университета. Клиники института являлись нашей базой , а проф. Ганзличек одновременно был и зав.кафедрой Университета. В этот период я увлекался нейропсихоэндокринологией, DST, TRH, другими проблемами.

П.МОРОЗОВ: *Как вы стали руководителем такого известного института, каковы его основные направления исследования ?*

С.ХЁША: Благодаря стечению

обстоятельств. Во время революции 1989 года я закончил монографию в области нейропсихоэндокринологии получил звание доцента, т.е. профессионально оказался достаточно квалифицированным для того, чтобы претендовать на этот пост. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что я был всегда беспартийным.

В институте 10 лабораторий: психормакологии (руководитель - д-р В.Филип), социальной психиатрии и биосоциальных факторов, влияющих на болезнь и личность, психиатрической демографии (д-р Шкода), изучающей проблемы morbidity и инвалидности, отдел алкоголизма и наркомании (д-р Кубичка), клинический отдел (д-р Либигер), лаборатория биохимии и генетики, лаборатория прикладной математики и биоинженерии, лаборатория психометрии, лаборатория патофизиологии мозга (проф. Бенешова), занятая изучением проблемы раннего повреждения мозга. Часть исследований этой лаборатории проходит на лабораторных животных, работы здесь идут где-то на стыке психофармакологии и нейрофизиологии.

П.МОРОЗОВ: *Изменились ли в чем-то направления исследований в институте с Вашим приходом ?*

С.ХЁША: Да, и частично это связано с изменением структуры финансирования института, частично - с большими кадровыми изменениями (кто-то ушел в частную практику, а кто-то уехал работать за границу).

П.МОРОЗОВ: *Да, по-видимому, это общие проблемы для психиатров стран Восточной Европы.*

С.ХЁША: И не только эти. В последние годы, к сожалению, мнение общественности значительно изменилось и повернулось против классической биологической психиатрии, и в частности, против биологических методов лечения, таких как ЭСТ и психофармакопрепараты. Важно и то, что среди самих психиатров заметно наметился сдвиг интересов в сторону community care, психотерапии, изменений в структуре служб психического здоровья. Сейчас в нашей дисциплине идет много жарких дискуссий на эту тему и никто не знает каков будет их

результат, хотя все стороны желают изменений, ведущих к реальному прогрессу в области психиатрической помощи в Чехословакии.

П.МОРОЗОВ: *А каково отношение прессы к этим процессам?*

С.ХЁША : В первое время после революции 1989 года отношение к психиатрии в прессе было достаточно негативным. Ныне оно сменилось, причем с обеих сторон. Мы, психиатры, тоже достаточно активны и можем свободно высказывать своё мнение в прессе. Такие адвокаты биологической психиатрии, как, например Ян Либигер, достаточно успешно ведут полемику со своими оппонентами на страницах газет, что постепенно уравновешивает влияние обеих сил в прессе.

П.МОРОЗОВ: *Есть ли какие-нибудь законодательные изменения в отношении психического здоровья в Вашей стране?*

С.ХЁША : Ошутимо расширены права психически больных лиц, в целом законодательство стало значительно более мягким, заметно сужены показания для принудительного лечения. В последней ситуации психиатр обязан в течение 24 часов связаться с судом, который тут же назначит независимую экспертизу лица, попавшего помимо своей воли в больницу. Новые положения создали более свободные и благоприятные условия для душевнобольных лиц, в то время как психиатры почувствовали себя в более ответственном и сложном положении, их эмоциональные нагрузки увеличились. В какой-то степени это хорошо, ибо, как звучит старая поговорка: " нужен тигр, чтобы иметь здоровых коз", т.к. если его не будет то козуды стануд ленивыми.

П.МОРОЗОВ: *Вы говорили уже и о другой близкой нам проблеме: проблеме эмиграции. Как этот процесс повлиял на чехословацкую психиатрию ? Есть ли в нем положительные факторы или только негативные ?*

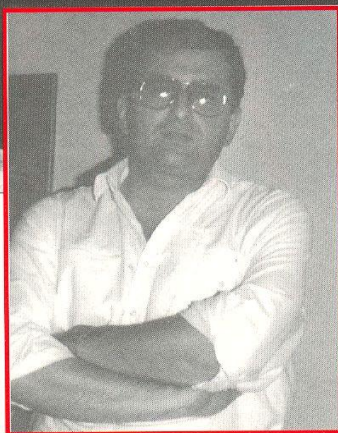
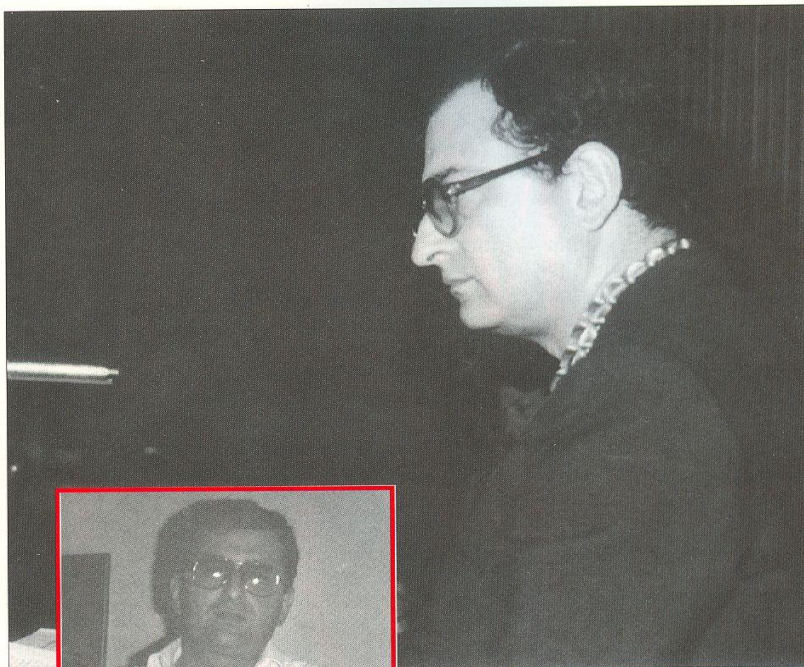
С.ХЁША : Да, действительно,

проблемы на первый взгляд сходны. Однако ныне, по моему мнению, уехать врачу - психиатру на Запад на длительный срок гораздо сложнее, чем раньше. Ныне нет политических диссидентов, нет и понятия "изгнание", таким образом всё проходит на чисто академической основе. Чтобы получить диплом врача (или подтвердить его) необходимо пройти целую серию довольно сложных экзаменов и тестов, выдержать большую конкуренцию и т.д., т.е. преодолеть очень много барьеров, чтобы покинуть страну. Это - одна из причин, по которой уровень эмиграции сейчас ниже, чем в 1968 году. Во-первых, Запад в курсе наших проблем и в настоящее время готовит целый ряд проектов для того, чтобы наши специалисты оставались дома, не создавая повышенной конкуренции у них. Многие западные ученые поощряются к работе на Востоке и, хотя это лишь начало процесса, сама тенденция очевидна. Таким образом, ситуация с "утечкой мозгов" не так драматична, как могла бы быть или какой она представлялась 25 лет назад.

П.МОРОЗОВ: *Ныне, когда Чехословакия стоит на пороге политического раздела, что произойдет со старейшим в Европе (а ему около 70 лет) чехословацким психофармакологическим обществом? Будут ли проходить знаменитые ежегодные симпозиумы в Есениках?*

С.ХЁША: Об этом надо спросить, конечно, д-ра О.Винаржа, председателя и организатора этих симпозиумов. У нас в Чехии сложились очень хорошие отношения со словацкими коллегами и, в частности, с Владимиром Новотным, доцентом медфакультета Университета им.Коменского в Братиславе. Конечно же мы постараемся продолжить нашу совместную деятельность в области психофармакологии, однако в какой форме - это еще не совсем ясно. Медицинское общество, безусловно, прекратит свое существование, но мы постараемся найти новую общую базу.

П.МОРОЗОВ: *В вашем докладе*

на XV-ом дунайском симпозиуме вы упомянули между прочим о "кризисе современной науки". Почему Вы так считаете и на чем основывается Ваше, весьма серьезное заключение?

С.ХЁША: Я думаю, что мы глубоко осознаем все те изменения, которые происходят не только в биологии и психиатрии, но и в других науках например, в физике, которая констатирует приближение к пределам нашего понимания мира в XX веке в рамках механистического мышления, основанного на линейных связях. Сейчас все более важным становится контекст: каким оптимальным образом следует использовать полученные в исследовании данные, как их проанализировать? Например, гормон TRH играет различную роль в организмах лягушки, человека или

рыбы. Таким же образом, одно и то же слово имеет различный смысл в разных предложениях. Именно здесь важен контекст. Рассматривая мир как единое целое, мы замечаем, что он напоминает натуральный язык, язык природы с его пластичностью, т.е. одно и то же явление может иметь разные значения. Осознав это, мы продвинем науку дальше. Это, конечно, выходит за рамки вопроса, но мне очень важно, что "Синапс" выявил стержневую мысль доклада, ибо всех в основном интересовало: почему увеличилось число суицидов, алкоголизма, преступлений, прости-туция, и т.д.

П.МОРОЗОВ: *Ну, чтобы быть как все, спросим и мы Вас: как Вы, как психиатр, оцениваете все эти драматические изменения?*

С.ХЁША: Интересна динамика самоубийств после 1989 года: их число увеличилось, однако, через год вернулось на прежний уровень. Таким образом, мы отметили, что серьезное социальное потрясение ведет лишь к временному изменению уровня суицидов. Одно из объяснений этого явления может быть чисто психологическим: тенденция поделить мир на "белое и

черное", "злое и доброе", тенденция к упрощению очень опасна, особенно в те моменты, когда ответственность за собственные судьбы ложится на нас самих. В такие моменты упрощенное "симплексное" мышление ведет к поискам общего врага, паранойяльности, отсутствию чувства юмора, неприязни, агрессивности, что в свою очередь приводит к распаду общества на составные части. К сожалению, в Восточной Европе после распада коммунистической системы мы наблюдаем подобные процессы.

П.МОРОЗОВ : *В вашем докладе Вы говорили об IQ людей с подобным типом мышления...*

С.ХЁША : Да, действительно около 30% обследованных с мышлением типа "белое и черное" обладает весьма низкими показателем IQ - 90 и ниже. Конечно же, это еще не легкая степень олигофрении, где IQ - 70 и ниже, однако в серьезной сегодняшней ситуации эти люди теряют понимание реальности и испытывают очень большие затруднения в жизни.

П.МОРОЗОВ : *Была ли обследованная Вами группа достаточно репрезентативна?*

С.ХЁША : Психологические заключения были сделаны на основании общих распределительных кривых умственных возможностей человека, которые одинаковы повсюду на земном шаре. Однако заключение о "белом и черном" мышлении не было основано на конкретном исследовании и может явиться проблемой для дальнейших дискуссий. Здесь может быть много различных мнений.

П.МОРОЗОВ: *Отражается ли сегодняшняя ситуация на межнациональных отношениях в Вашей стране ?*

С.ХЁША : Серьезных проблем у нас, к счастью, не существует, признаков какого-либо антагонизма внутри славянских народов не наблюдается. Есть некоторая ксенофобия в отношении цыган, вьетнамцев среди бритоголовых (у нас есть небольшие профашистские группы, хотя и менее численные, чем в восточной части

Германии). Ксенофобия более распространена по моему мнению, среди безработных, в приграничных районах. Признаюсь, что в целом, в этом вопросе, ситуация недостаточно стабильна. В профессиональных же психиатрических кругах у нас вопросов не существует.

П.МОРОЗОВ: *Сейчас, когда к сожалению, многие наши научные связи оборвались, прекратились коллаборативные программы, развивавшиеся в 80-х годах, как Вы оцениваете их значение для вашей психиатрии?*

С.ХЁША: Прекращение этих научных контактов не является признаком недружелюбия, а лишь представляет собой следствие изменений в нашем обществе, которое поворачивается лицом к Западу. Именно оттуда черпаются научные знания, поступает новейшая технология. Мы не собираемся полностью прерывать отношения с нашими русскими, венгерскими или польскими коллегами, просто мы возобновим их на новом уровне, уровне, который можно будет сравнить с современным западным. Думаю, что эти полезные для всех контакты будут возобновлены, что это лишь временный спад, отмечаемый и в некоторых других областях науки и человеческих отношений. В целом же эти научные связи принесли нам много, особенно в области нейрофармакологии (эту область я знаю лучше других). Напомню, что благодаря этим программам, в которых мы участвовали вместе с русскими коллегами, наши психиатры получили много и от западных партнеров. Вклад этих между-народных проектов в развитие нашей психофармакологии очевиден.

П.МОРОЗОВ: *Помните ли Вы суздальские школы психиатров ?*

С.ХЁША : Да, конечно, я там был в 1981 году и, в частности, подружился там надолго с д-ром Алоизом Ракусом из Братиславы, недавним министром здравоохранения Словакии.

П.МОРОЗОВ: *Да, я тоже встретил там Алоиза и подружился с ним. Что Вы думаете о "Синапсе"? Будут ли его читать в Чехии ?*

С.ХЁША: Прекрасный на первый взгляд, и современно оформленный журнал. Конечно, чтобы проделать более глубокий анализ, нужно изучить несколько номеров. К сожалению сейчас все читают в основном по-английски, и только по английски (хотя моя дочь например, любит русский язык с его глубокими культурными и литературными традициями - но она, скорее всего, является исключением). Тем не менее, я думаю, что времена изменятся и, возможно, "Синапс" станет одним из международных психиатрических журналов для стран славянской Восточной Европы.

Чешский и словацкий языки используются, как Вы понимаете, в психиатрии весьма ограничено (всего 1100 психиатров в Чехии). Позиция "Синапса", выпускаемого на русском языке, достаточно выгодна, аудитория у него может быть весьма большой, в том числе и в Чехословакии, и я Вам желаю оправдать все наши ожидания.

П.МОРОЗОВ: *Спасибо доктор Хёшл, я тоже желаю вам успехов на Вашем посту директора и надеюсь, что преодолеем некоторые трудности, психиатры наших стран продолжают плодотворное сотрудничество в нашем нелегком деле.*